

воздѣйствія на молодежь. 1) «Ни об одном из них нельзя сказать, что его социальное вліяніе может сравниться с вліяніем Толстого, Достоевскаго, Горькаго (до 1917 г.) или даже Золя». Несмотря на свое желаніе занять идейные аванпосты, Андре Жид остается изолированным.

У «Третьей Силы Франціи» нѣтъ «власти дум», нѣтъ духовнаго вождя. Даже такіе мыслители старшаго поколѣнія, как Маритэн, скорѣе сотрудничают с молодежью, чѣм ведут ее. Это явленіе нам представляется далеко не отрицательным.

«Третья Сила» Франціи не пережила и, вѣроятно, не переживет павоса идейнаго вождизма. Она развивается свободно, движимая не людьми, а духом.

Если «заказка» еще не готова, если «сплав» еще не найден, можно однако утверждать, что эта сила добилась реальных результатов: она не поддавалась соблазну ни справа ни слѣва, не выбрала наименьшее из «двух зол», из «двух недоразумѣній», твердо защищая позиціи подлиннаго духовнаго гуманизма.

Елена Извольская.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И «ОБЩЕСТВЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ» ЧЕЛОВѢКА

«Всякому человѣку, для того чтобы дѣйствовать, необходимо считать свою дѣятельность важною и хорошею и свое положеніе «хорошим и уважительным».

Толстой особенно упирает на насущность нужды человѣка в таком сознаніи. — Маслова «была проститутка, приговоренная к каторгѣ, и, несмотря на это, она составила себѣ такое мировоззрѣніе, при котором могла одобрять себя и даже гордиться перед людьми своим положеніем». И она «дорожила таким пониманіем жизни больше всего на свѣтѣ, — и не могла не дорожить им, потому что, измѣ-

---

1) Совершенно иначе, конечно, обстоит дѣло с правыми мыслителями и особенно с Морасом. Его вліяніе на молодежь чрезвычайно глубоко; но мы его не касаемся; именно это вліяніе не коснулось представителей «Третьей Силы», которые нас занимают и которые абсолютно непроницаемы идеям «Action Française».

нив такое пониманіе жизни, она теряла то значеніе, которое такое пониманіе давало ей среди людей».

Эти замѣчанія Толстого относятся к категоріи таких «дубовых истин», как, напримѣр, что людям нужно ѣсть, слишком простых и всѣм извѣстных, чтобы заинтересовать любителей всяких психологических тонкостей. Между тѣм каждый человек, если он честно и не обманывая себя взглянетъ в свою жизнь и в свое желаніе счастья, увидит, что почти все содержаніе его так называемой «внутренней», жизни состоит из переживаній своих отношеній с другими людьми и представленій о впечатлѣніи, производимом на них его особой, — иными словами, из представленій о своем «общественном положеніи»; и чѣм болѣе хорошим и почетным представляется ему это положеніе, чѣм болѣе значительным и высшим кажется ему круг людей, поддерживающих своими взглядами или прямо выраженным признаніем это представленіе, тѣм большую истинность и прочность приобретаетъ в нем ощущеніе бытія своего «я», как бы растущаго и исполняющагося силами, волей и счастьем жить. 1)

И, наоборот, ухудшеніе «общественнаго положенія» вызываетъ в человекѣ, хотя бы он физически оставался вполне здоровым, мучительное чувство уменьшенія «очевидности» своей жизни. «On ne voyageait pas sur la mer pour ne jamais en rien dire». То, о чем никто, никакое сознаніе, ни одна живая душа не знает и никогда не узнает, кажется напрасным, пропадающим даром, как бы не имѣющим существованія и каковы бы ни были метафизическія идеи человекѣ, в большинствѣ случаев именно участіе в «человѣческой комедіи», единственном извѣстном всѣм людям бытіи, ощущается им как единственно «несомнѣнная», остающаяся ему жизнь. И если «на міру и смерть красна», то в одиночествѣ, при полной потерѣ «общественнаго положенія», человекѣ становится скучно, страшно и нежизненно — «il sent alors son néant, son abandon, son insuffisance, sa dépendance, son impuissance, son vide».

Вѣроятно, в самой біологической природѣ человекѣ — «общественнаго животнаго» лежитъ объясненіе этой зависимости чувства полноты или уменьшенія жизни отъ измѣненій «общественнаго положенія», дѣлающей понятным, почему люди так любятъ все то, что

---

1) Существует, конечно, и настоящая внутренняя жизнь, но мистическій опытъ людей, дѣйствительно дорывшихся до самой бездонной, непостижимой измѣреніями разума и невыразимой языком «путьри» жизни, настолько превышаетъ опытъ рядового человека, что вообще лежитъ за предѣлами трактуемой в этой статьѣ естественной психологіи. Хотя, вѣроятно, в жизни каждого человекѣ бывають иногда мгновенія, когда что-то из этой внутренней жизни врывается в его сознаніе, «какъ память об иной отчизнѣ».

увеличивает это их положение — лесть, признание, титулы, «сидеть впереди в синагогах», и, наоборот, чувствуют ненависть ко всѣм, причиняющим им моральный ущерб. Так Маслова почти с ненавистью встрѣтила Нехлюдова, чувствуя, что своими взглядами он разрушал «истинность» дававшего ей увѣренность самоуважение и силы жить представлѣнія о значеніи своего мѣста в людском мірѣ.

Так же, как борьба за матерьяльные средства существованія, эта борьба за «общественное положеніе» понижает всю человѣческую жизнь. Французская буржуазія и до революціи была богатой и просвѣщенной, и тѣм не менѣе для человѣка третьяго сословія жизнь при старом режимѣ была невыносима, так как, какія бы «хорошія манеры» он ни усвоил, в глазах аристократа он все-таки оставался «villain». И для того, чтобы утвердить насущно-необходимую ему «истину» такого пониманія жизни, при котором он, буржуа, был бы не только не «villain», а, наоборот, самый важный и первый человек — «третье сословіе должно быть всѣм»: ему нужно было или заставить аристократов признать эту «истину», или физически их уничтожить.

Самой странной и поразительной особенностью новой европейской исторіи является то, что такое вызывающее потрясеніе «основ», такое измененіе сознанія, когда человек перестает соглашаться, чтобы его считали «villain», охватывает не только (что было бы естественно) представителей какой-нибудь опредѣленной, экономической и политически подымающейся социальной группы, а все болѣе и болѣе широкія массы самой «подлой черни». Современный европейскій человек, хотя бы он был самага «низкаго» происхожденія, уже не вѣрит, что «подлость» его положенія в обществѣ является чѣм-то естественным, «богоустановленным», справедливым и хорошим, и почитает себя таким же человеком, как самый «благородный».

Не может быть сомнѣнія, откуда взялось это сознаніе, что всѣ люди равны по своему происхожденію и поэтому должны быть равными и в своих правах. Не даром же римскіе императоры гнали христіан, вѣрным инстинктом чувствуя, какую опасность для общества представляло противоестественное ученіе, согласно которому каждый человек, даже и раб и «жид», был сыном Божиим, равным по рожденію самому «божественному» Цезарю. Но постепенно все утряслось, и само христіанство было приспособлено таким образом, что тот порядок, — «почитающіеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют над нами» — по поводу котораго в Евангеліи прямо сказано: «но между вами да не будет так», вновь оказался порядком «богоустановленным» и подобным небесной іерархіи. И тѣм не менѣе в один прекрасный день американскіе пуритане провозгласили в продолженіе многих вѣков скрываемую от

порабощеннаго и невѣжественнаго, «подлаго» народа истину равенства происхожденія всѣхъ людей и абсолютной цѣнности каждаго человека — сына Божьяго, несонзмѣримой с достоинствомъ принадлежности к той или иной кастѣ земной іерархіи.

Было бы слишкомъ долго останавливаться на томъ, какъ, начиная с конца 18-го вѣка, это сознание в «секуляризованномъ» видѣ «прав человека и гражданина», все шире распространяется в мірѣ. И если теперь, вѣроятно, меньше, чѣмъ в средніе вѣка, людей, дѣйствительно, хотя бы отдаленно, понимающихъ весь страшный смыслъ христіанской личной жизни, достигаемой только черезъ смерть всего того, что обыкновенно человекъ и считаетъ своимъ «я» — свое имя, общественное положеніе и т. д., — то каждый человекъ современной европейской культуры твердо усвоилъ, по крайней мѣрѣ, ту часть этой истины, что онъ такой же человекъ, какъ «султанъ в великолѣпномъ сералѣ» и поэтому долженъ имѣть и такія же права. Всѣ вдругъ какъ бы поняли, что люди не рождаются подобно пчеламъ; рабочими или трутнями или царицей, и что «кухаркинъ сынъ» можетъ такъ же управлять государствомъ, какъ «природный» государь.

Соединяясь со свойственной каждому человеку потребностью занимать хорошее и уважительное положеніе, это сознание измѣнило душу народныхъ массъ. Новые вожди, хотя бы самые реакціонные, вѣрнымъ инстинктомъ знаютъ, что для того, чтобы прійти к власти, теперь уже недостаточно опираться на какую-нибудь одну поднимающуюся группу, а нужно и всей основной массѣ населенія обѣщать самое высокое и почетное общественное положеніе. Тамъ пришелъ к власти Гитлеръ, утвердивъ «истину» такого пониманія жизни, при которомъ каждый нѣмецъ можетъ считать себя первымъ и самаго благороднаго («арійскаго») происхожденія человекомъ. Да и сила коммунистической пропаганды объясняется, вѣрно, не только тѣмъ, что люди вдругъ начинаютъ вѣрить в научную истинность марксизма, или даже в то, что при коммунизмѣ станетъ сытнѣе жить, но и обѣтованіемъ всѣмъ «голоднымъ и рабамъ» славы самаго высокаго общественнаго положенія.

Но если практика политическаго дѣйствія и демагоги интуиціей цинизма и опытомъ знаютъ вождельнія и инстинкты человека и умѣютъ пользоваться этимъ знаніемъ для достиженія своихъ, часто преступныхъ и безумныхъ цѣлей, то мыслители, занимающіеся вопросами социальнаго творчества, большую часть жизни проводящіе в научной «кабинетной» работѣ, часто бываютъ совершенно лишены способности чувствовать, изъ чего сдѣланы живые люди. Это, иногда, дѣлаетъ честь чистотѣ ихъ души, но между тѣмъ безъ знанія, в чемъ имѣетъ нужду социально-животная природа человѣческаго сердца (в частности потребность занимать хорошее и уважительное положеніе) не можетъ быть правильно проектирована такая новая социальная атмосфера, в

которой людям было бы легче и лучше жить, и радостно действовать, в которой, действительно, «жить станет лучше, жить станет веселѣ».

Нельзя не считаться и с тѣм, что сейчас в совѣтской Россіи безчисленные чернорабочіе «стахановцы», если бы даже они и жили хуже европейских безработных, все-таки чувствуют себя такими же героями и «знатными людьми», как в буржуазных странах только банкиры и «шмуклеры», и что всѣ эти люди, даже когда они окончательно перестанут быть большевиками, не захотят отказаться от своей «рабоче-крестьянской» славы, так как, по приведенным в началѣ этой статьи словам Толстого, человек больше всего на свѣтѣ дорожит таким пониманіем жизни, при котором он может одобрять себя и гордиться своим положеніем.

В. Варшавскій.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ О СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

В своей статьѣ в № 10 «Новаго Града» Ф. А. Степун выдвигает слѣдующія положенія: существует «пореволуціонное сознаніе» — которое автор характеризует как противобольшевицкое; новая русская эмигрантская литература должна отражать это сознаніе, а между тѣм — не отражает его; не отражает потому, что новое поколѣніе русской эмиграціи не видит умственным взором Россіи и потому, что молодые зарубежные писатели находятся всецѣло под влияніем нынѣшней западной литературы со всѣми присущими ей чертами болѣзненной извращенности. И далѣе он ставит зарубежным писателям такое задание: «...Исторгниутость из Россіи и неприкажнность в Европѣ должна быть превращена в отправную точку всей творческой жизни писателя. Россія, не данная в ежедневном непосредственном содержаніи, должна быть внутренне увидѣна при помощи пристального изученія ея исторіи, культуры, литературы...». Цѣлый ряд возможных возраженій против своих тезисов Ф. А. Степун предвидѣл и отвѣтил на них. И все же при чтеніи его статьи у меня возник ряд вопросов, отвѣтов на которые я в ней не нахожу. Есть «пореволуціонное сознаніе» и есть «пореволуціонная литература». Литература всегда отражает — худо ли, хорошо ли — какое-то «сознаніе». Вѣдь, от литературы мы обыкновенно и заключаем о «сознаніи» того или иного историческаго момента, той или иной общественной среды. Выходит, значит, что в зарубежной средѣ как